

КНЯЖЕСКИЙ ДВОР В ДРЕВНЕМ НОВГОРОДЕ

Княжеский двор — одно из наиболее важных мест в топографии Новгорода и, несомненно, важнейшее на Торговой стороне. В эпоху новгородской самостоятельности княжеский двор был главным общественным центром города, где происходили крупнейшие события бурной политической жизни республики. Здесь собиралось вече, на котором решались государственные дела, выбирались республиканские должностные лица, принимались решения об изгнании и призвании князей, нередко вечевая площадь была центром городских восстаний.¹ Жалованные грамоты выдавались от имени Новгорода «на вече, на Ярославле дворе».² «С веча, с Ярославля двора» направлял Новгород грамоты иностранным государствам.³

Естественно, что место княжеского двора привлекало внимание многочисленных исследователей топографии древнего Новгорода. Самый ранний из них, Е. А. Болховитинов, определял место княжеского дворца «там, где ныне церковь святого Николая, именуемая Дворищенскою».⁴ Там же помещал княжеский двор Н. Н. Муравьев.⁵ И. Красов, аналогичным образом судивший о месте княжеского двора, заметил, что впоследствии «название княжого двора даваемо было всему пространству от церкви Успения Богородицы, граничащему с гостиным двором, Волховом и тем местом, где ныне Большая Михайловская улица»⁶ (теперь пр. Ленина. — В. А.). В. С. Передольский, согласный с мнением предыдущих исследователей, рассматривал башню XVII в., расположенную северо-западнее Никольского собора, как «Ярославову башню», т. е. как дворцовую постройку времени Ярослава Мудрого.⁷

А. В. Арциховский «основной территорией» княжеского двора считал место, на котором стоит здание XVII—XVIII вв. (запад-

¹ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ), с. 50, 53—55, 57, 60, 65, 67, 88, 90, 247, 251, 254, 262, 268, 270, 276, 278, 319, 321, 356, 366, 373, 379, 398, 405, 409, 410, 414, 446, 447; ПСРЛ. СПб., 1853, т. IV, с. 181, 200, 203, 204, 209, 238, 241, 272, 288, 339—341, 414, 423, 529, 594, 598; ПСРЛ. СПб., 1889, т. XVI, с. 43, 74, 78, 130, 148, 162, 170, 316; ПСРЛ. М.; Л., 1949, т. 25, с. 45, 149, 151, 176, 192; Новгородские летописи. СПб., 1879 (далее — ПЛ), с. 15, 18, 39, 43, 45, 259, 260.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949, № 89, 95, 96, 101.

³ Там же, № 66, 69, 75, 98.

⁴ [Болховитинов Е. А.] Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808, с. 12.

⁵ Муравьев П. И. Исторические исследования о древностях Новгорода. СПб., 1828, с. 32—33.

⁶ Красов И. О местоположении древнего Новгорода. Новгород, 1851, с. 87.

⁷ Передольский В. С. Новгородские древности. Новгород, 1898, с. 279.

нес Никольского собора), а «периферией» — площадь к востоку и югу от Никольского собора.⁸ С ним соглашались А. А. Строков, В. А. Богусевич и Б. К. Мантейфель, а также А. И. Семенов.⁹

Такое единодушие исследователей можно объяснить тем, что их заключения базировались главным образом на двух летописных указаниях поздних летописей. Во-первых, это сообщение новгородского «Летописца церквам божиим» (XVII в.), где под 1030 г. говорится, что «жил великий князь Ярослав на Торговой стороне, близ реки Волхова, где ныне церковь каменная Николая чудотворца, яже и доныне словет Ярославле дворище».¹⁰ Во-вторых, известие, содержащееся в летописях конца XV—XVII вв., о строительстве в 1113 г. князем Мстиславом Владимировичем каменной церкви Николая чудотворца «на княжем дворе».¹¹

Топоним «Ярославово дворище» и в наше время хорошо знаком любому жителю Новгорода. Он в полном соответствии с мнениями указанных исследователей и только что процитированными летописными известиями обозначает территорию, простирающуюся с запада на восток от берега Волхова до пр. Ленина, а с севера на юг — от церкви Параскевы-Пятницы до Суворовской улицы.

По всей видимости, для летописца понятия «княж двор» и «Ярославль двор» были равнозначны. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что Никольский собор обозначается то как стоящий «на княже дворе»,¹² то на «Ярославле дворе».¹³ Вече, которое собиралось «на Ярославле дворе», иногда отмечается летописцем как собравшееся «у святого Николы»¹⁴ или «на княже дворе»,¹⁵ хотя речь идет, несомненно, об одном и том же месте. Весьма показательным представляется такой пример: в 1220 г. князь Всеволод, желая силой принудить новгородцев к повиновению, с вооруженной дружиной «приеха на Ярославль двор», а «новгородцы соидошася к нему въ оружьи и стаща полком на княжи дворе».¹⁶

С конца XV в. (впервые под 1477 г.) вместо термина «двор» начинает употребляться «дворище»,¹⁷ т. е. место, где прежде был

⁸ Арциховский А. В. Новгородская экспедиция. — КСИИМК, 1949, вып. XXVII, с. 113.

⁹ Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К. Раскопки на Ярославовом дворище. — Новг. истор. сборник. Новгород, 1938, вып. 3—4, с. 185; Семенов А. И. Ярославово дворище и Торг. Новгород, 1958.

¹⁰ НЛ, с. 180.

¹¹ ПСРЛ. Пг., 1917, т. IV, ч. 2, вып. 1, с. 143; ПСРЛ, т. XVI, с. 43; ПСРЛ, т. 25, с. 27; ПСРЛ. М., 1965, т. 30, с. 57; НЛ, с. 4, 188.

¹² ПСРЛ, т. IV, ч. 2, вып. 1, с. 143; ПСРЛ, т. XVI, с. 43, 206; ПСРЛ, т. 25, с. 27; ПСРЛ, т. 30, с. 57; НЛ, с. 4, 188.

¹³ НПЛ, с. 398; ПСРЛ, т. XVI, с. 148; ПСРЛ, т. 25, с. 176; НЛ, с. 45, 221, 260.

¹⁴ НПЛ, с. 259, 356.

¹⁵ НПЛ, с. 272; ПСРЛ, т. XVI, с. 78, 316.

¹⁶ ПСРЛ, т. IV, ч. 2, вып. 1, с. 600.

¹⁷ НПЛ, с. 60, 262; ПСРЛ, т. IV, с. 200.

двор. Таким образом, княжеский двор просуществовал вплоть до падения новгородской самостоятельности. Лишь в 1570 г. по приказу Ивана IV на дворнице вновь стали строить государев двор,¹⁸ который в 1580 г. сторел¹⁹ и более уже не возобновлялся.

Исключительное значение княжеского двора в политической жизни средневекового Новгорода послужило причиной того, что это место стало главной точкой приложения усилий археологов в предвоенные и первые послевоенные годы. Главной задачей, которую ставили перед собой археологические экспедиции, работавшие на предполагаемой территории Ярославова двора, было обнаружение вечевой площади и остатков княжеского дворца.

Поскольку, как известно из летописи, Никольский собор находился на княжеском дворе, то вполне понятно стремление исследователей изучить территорию в непосредственной близости от храма. В 1937—1940 и в 1946—1948 гг. московской экспедицией под руководством А. В. Арциховского и экспедицией Новгородского музея были заложены 16 раскопов. До войны основное внимание археологов было приковано к территории севернее, восточнее и южнее Никольского собора. Между храмами Параскевы-Пятницы и Николы были заложены три раскопа.

Раскоп № 2²⁰ (экспедиция Новгородского музея, 1937 г.), площадь 72 м². Толщина культурного слоя 2,9 м. На глубине около 1 м обнаружен слой перегноя, строительного мусора и огромного количества костей животных (почти исключительно челюсти и изредка рога крупного рогатого скота, в единичных случаях и челюсти свиньи). Мощность слоя костей от 0,5 до 1,25 м. Обнаружен перекресток двух мостовых, пересекавшихся под прямым углом и шедших с юго-запада на северо-восток и с северо-запада на юго-восток (5 настилов). На глубине 2,9 м в слое материкового песка найдены зольные пятна с обожженными остатками человеческих костей и костей лошади, а также гончарная керамика. Эти пятна интерпретированы руководителями раскопок как остатки дохристианского могильника X в.²¹

Раскоп № 3 (экспедиция А. В. Арциховского, 1938 г.), площадь 96 м², примыкает к раскопу № 2. Толщина культурного слоя от 2,6 до 3,0 м. Слой костей был прослежен и здесь, однако менее мощный. На материковом песке находился деревянный пастил (2,0×4,5 м) из тонких плах, имевший, по мнению А. В. Арциховского, культовое значение и связанный с открытым в раскопе № 2 языческим могильником.²²

¹⁸ НЛ, с. 100.

¹⁹ НЛ, с. 347.

²⁰ Нумерация раскопов дается от самого раннего — № 1 (1937 г.) до самого позднего — № 16 (1948 г.) — см. рисунок.

²¹ *Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К.* Раскопки на Ярославовом дворце, с. 194—205; см. также: *Строков А. А.* Дохристианский могильник (по данным археологических раскопок на Ярославовом дворе). — Новг. истор. сборник. Новгород, 1939, вып. 6, с. 51—53.

²² *Арциховский А. В.* Раскопки в восточной части Дворища в Новгороде. — МИА, 1949, № 11, с. 154—159.

Раскоп № 7 (экспедиция А. В. Арциховского, 1939 г.), площадь 48 м². Толщина культурного слоя до 3.3 м. Вскрыты остатки лавок новгородского торго XIII—XV вв.²³

Материалы раскопа № 2 позволили руководителям работ сделать вывод, что «Ярославово дворище в X в. не было заселено, здесь находился дохристианский могильник».²⁴ Важным представляется вывод А. В. Арциховского, что между Никольским собором и церковью Параскевы-Пятницы «установлена южная граница новгородского торго», а «грань между Ярославовым двором и торгом проходила вдоль церкви Николы, к которой торго подходил почти вплотную, но все же не доходил до нее».²⁵

Раскоп № 5 (экспедиция А. В. Арциховского, 1938 г.), площадь 48 м². Глубина залегания материка от 3.0 до 4.7 м. На глубине от 1.8 до 2.1 м встретились погребения в колодах, датированные А. В. Арциховским XVI—началом XVII в. На 0.5 м ниже уровня погребений был обнаружен отличной сохранности сруб в 14 венцов (4.4×4.2 м) с полом, стоящим на материке. Для сруба в материке была вырыта яма полутораметровой глубины. Назначение сруба достаточно ясно — это погреб, быть может ледник, засыпанный еще до строительства Никольского собора (1113 г.) и перекрытый слоем строительного мусора.²⁶

Раскоп № 1 (экспедиция Новгородского музея, 1937 г.), площадь 72 м². Толщина культурного слоя около 3.0 м. Имеет много общего с раскопом № 5. Как и в последнем, здесь встретились (на глубине 1.65 м) захоронения с остатками колод — вероятно, синхронные тем, что были найдены в раскопе № 5. Оба раскопа расположены неподалеку от апсид храмов: № 5 — к востоку от Никольского собора, № 1 — к востоку от церкви св. Прокопия, наличие погребений здесь вполне понятно. На глубине 2.2 м обнаружены верхние венцы 12-венцового сруба (3.0×3.0 м) с полом, стоящим на материке. В отличие от сруба, открытого в раскопе № 5, это жилия изба, поэтому ямы в материке нет. Изба была на подклете. Она сгорела в одном из частых новгородских пожаров. На полу обнаружен скелет погибшего в огне человека, придавленный обломками сгоревшего дома. Найдены остатки очага, много керамики, остатки обуви, кованые гвозди, фрагменты оконной слюды и т. д.²⁷

Сруб датирован А. А. Строковым, В. А. Богусевичем и Б. К. Мантейфелем XVI в. А. В. Арциховский справедливо ука-

²³ Там же, с. 159—161.

²⁴ *Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К.* Раскопки на Ярославовом дворище, с. 202; см. также: *Строков А. А.* Дохристианский могильник, с. 53. — Мнение о существовании в X в. дохристианского могильника, следы которого вскрыты на раскопе № 2, справедливо оспорено Е. П. Носовым (см. его статью в настоящем сборнике). Думается, Е. П. Носов прав, интерпретируя зольные пятна как углубленные в материк основания хозяйственных сооружений и ямы.

²⁵ *Арциховский А. В.* Раскопки в восточной части Дворища..., с. 176.

²⁶ Там же, с. 161—165.

²⁷ *Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К.* Раскопки на Ярославовом дворище, с. 187—192.

зал на то, что дата сруба должна быть удревнена, поскольку в нем найдены фрагменты стеклянных браслетов, широко распространенных в Новгороде в XII—XIII вв. и исчезнувших в XIV в.²⁸

Раскопы № 4, 6, 8 (экспедиция А. В. Арциховского, 1938—1939 гг.), общая площадь 168 м². Толщина культурного слоя от 2.8 до 3.4 м. На глубине 1.6 м обнаружена кирпичная кладка (2.15×0.75 м), состоявшая из трех слоев кирпичей, скрепленных известью. Кладка находилась прямо напротив южных дверей Никольского собора, в 4.5 м от них. А. В. Арциховский предположил, что открытое сооружение представляет собой подставку, на которой «останавливались церковнослужители во время крестных ходов вокруг церкви», возможно, что «могли здесь стоять и какие-нибудь глашатаи».²⁹ Кроме того, была найдена валунная кладка, которая сверху была засыпана мелкими камнями и гравием. Она являлась, по мнению А. В. Арциховского, «парадной каменной дорогой», «выходившей в XI в. из южной двери собора». Направление дороги — на юго-запад от собора.³⁰

В раскопах № 1, 4, 5, 6, 8, кроме отмеченных находок, были обнаружены деревянные трубы, а также срубы соединительных и смотровых колодцев. А. А. Строков и А. В. Арциховский полагают, что открыли систему древнего новгородского водопровода XI—XII вв. и водоотводную систему. А. Ф. Медведев, специально занимавшийся изучением данной системы, убедительно доказал, что в районе Никольского собора, как и в других местах Новгорода, открыта лишь древняя дренажная система, отводившая избыток грунтовых вод от различных построек в Волхов и значенная водопровода никогда не имевшая.³¹

Раскопы № 9, 10 (экспедиция А. В. Арциховского, 1939 г.), общая площадь 96 м². Толщина культурного слоя от 2.2 до 2.9 м. Никаких остатков сооружений нет. Только в восточном профиле раскопа № 9 была открыта стена колодца, да в юго-западной части раскопа № 10 обнаружена яма (до материка) глубиной 1.1 м, на дне которой найдены в большом количестве зерна ржи, пшеницы и овса. Яма перекрыта строительной прослойкой времени строительства каменной церкви св. Прокопия (1359 г.). А. В. Арциховский писал: «Возможно, что здесь был подвал, бревна которого были вынуты при его разрушении».³²

Раскоп № 12 (экспедиция Новгородского музея, 1940 г.), площадь 36 м². Толщина культурного слоя около 2.5 м. Обнаружены трубы и смотровой колодец дренажной системы, а также обычный колодец, предназначавшийся, по-видимому, для получения воды

²⁸ Арциховский А. В. Раскопки в восточной части Дворища..., с. 154.

²⁹ Там же, с. 170.

³⁰ Там же.

³¹ Медведев А. Ф. 1) Водоотводные сооружения древнего Новгорода. — КСИИМК, 1951, вып. XI; 2) Водоотводные сооружения и их значение в благоустройстве Новгорода Великого. — МИА, 1956, № 55.

³² Арциховский А. В. Раскопки в восточной части Дворища..., с. 170.

во время строительства церкви Жел Мироносиц и засыпанный строительным мусором после завершения постройки.³³

Раскоп № 16 (экспедиция А. В. Арциховского, 1948 г.), площадь 84 м². «Никаких сооружений там не оказалось и интересных находок тоже не было».³⁴

Заметим, что находки всех описанных раскопов, за исключением раскопа № 1, достаточно убедительно датированы стратиграфически. Расположенные неподалеку от храмов Параскевы-Пятницы, Николы и св. Прокопия, они в профилях имеют прослойки, связанные со строительством и ремонтом соответствующих зданий, о чем есть датированные сведения в письменных источниках.

Раскоп № 11 (экспедиция Новгородского музея, 1938 г.), площадь около 300 м². Толщина культурного слоя 3,2 м. Раскопки были предприняты в связи с земляными работами в одном из зданий существовавшего до войны завода «Крестьянин» и не были в достаточной степени тщательными. Материк был вскрыт не везде. Обнаружены трубы и сруб смотрового колодца древней водоотводной системы.³⁵

В послевоенные годы были развернуты большие работы на территории разрушенного гостиного двора, к западу от сохранившегося здания XVII—XVIII вв. Именно это место тогда рассматривалось исследователями как основная территория двора Ярослава.

Раскопы № 13, 14 (экспедиция Новгородского музея, 1946—1947 гг.), общая площадь 242 м². Глубина залегания материка в публикации не указана. Были обнаружены трубы и смотровой колодец дренажной системы. В раскопе № 13 на глубине 2 м найден комплекс срубов (изба и производственное помещение), принадлежавших в XII—XIV вв. ремесленнику, занимавшемуся выделкой кож. На раскопе № 14 найдены нижние венцы нескольких лавок, которые, сменяя друг друга, существовали с XII по XIV в. Наиболее древние стояли на материке. В северной части раскопа № 14 на площади 26 м² залегал мощный костный пласт (толщина 1,1 м), подобный тому, что был обнаружен на раскопах № 2 и 3. Если костный пласт на раскопах № 2 и 3 состоял в основном из коровьих челюстей, то на раскопе № 14 найдены главным образом бараньи рога в количестве около 16 тыс. штук.³⁶ Трудно сказать, с чем связана такая концентрация бараньих рогов (как и коровьих челюстей) в одном месте. Можно предполо-

³³ Строчков А. А. 1) Раскопки на Ярославом дворе в 1940 году. — Новг. истор. сборник. Новгород, 1940, вып. 8; 2) Раскопки в Новгороде в 1940 г. — КСИИМК, 1945, вып. XI.

³⁴ Арциховский А. В. Раскопки в Новгороде. — КСИИМК, 1950, вып. XXXIII, с. 9; глубина залегания материка автором не указана.

³⁵ Строчков А. А. Отчет о раскопках древнего русского водопровода. — Новг. истор. сборник. Новгород, 1939, вып. 6.

³⁶ Константинова Т. М. Археологические работы Новгородского музея в послевоенный период. — Новг. истор. сборник. Новгород, 1959, вып. 9, с. 93—110.

жить, например, что в этом месте находились скотобойни. Однако, на наш взгляд, очевидно, что они имели непосредственное отношение к Торгу, неподалеку от лавок которого и располагались. Думается, нельзя не признать справедливый вывод, что территория, вскрытая раскопками Новгородского музея, «к вечевой площади не относилась» и по характеру найденных здесь срубов и других сооружений «была связана с Торгом, являясь его южной границей».³⁷

Раскоп № 15 (экспедиция А. В. Арциховского, 1947—1948 гг.) — наибольший из дворищенских раскопов, по площади (836 м²) превосходивший все довоенные раскопы, вместе взятые. Культурный слой здесь до 4 м.

Материалы этого раскопа не опубликованы. Имеются лишь два кратких сообщения о работах, в которых отсутствуют планы, профили и содержатся только выводы о назначении открытых сооружений. Между тем эти выводы весьма ответственные. А. В. Арциховский писал, что его экспедицией в 1947 г. открыт «комплекс многочисленных срубов XII—XV вв. Эти примыкающие друг к другу срубы являются комнатами большой постройки, явно нежилой, не производственной, не хозяйственной, не военной и не церковной. Есть основание предполагать, что здесь были канцелярские правительственные помещения».³⁸

В 1948 г. в северо-восточной части раскопа были обнаружены остатки грандиозного по масштабам средневекового города сооружения. Оно состояло из трех прирубленных друг к другу срубов, длина вскрытой части которых составляла 17 м. Срубы были вскрыты не полностью: в северном профиле раскопа видна только южная стена этих срубов, все остальное осталось за пределами раскопа. Срубы сохранились на высоту 2—4 венцов. По мнению А. В. Арциховского, открытое сооружение было не что иное, как «деревянная часть дворца, построенного Ярославом Мудрым».³⁹ Один из главных аргументов в пользу такого предположения следующий: «Предполагать, что дворец был в другом месте, нет оснований, так как все остальные районы Дворища исследованы» и «других больших сооружений многолетние раскопки на Дворище нигде не открыли».⁴⁰ А. В. Арциховский полагал также, что «основная часть дворца должна находиться под позднейшим каменным зданием».⁴¹

Остается только сожалеть, что работы в районе Никольского собора проводились в те времена, когда еще не был разработан

³⁷ Там же, с. 110. — Работами на раскопах № 13 и 14 руководил Б. К. Мантейфель. Основное содержание цитируемой статьи Т. М. Константиновой составляют материалы и выводы Б. К. Мантейфеля. Однако даже имя его в статье ни разу не упомянуто.

³⁸ Арциховский А. В. Новгородская экспедиция. — КСИИМК, 1949, вып. XXVII, с. 113.

³⁹ Арциховский А. В. Раскопки в Новгороде, с. 7.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода. — МИА, 1956, № 55, с. 12.

дендрохронологический метод, позволяющий с точностью до года устанавливать дату рубки дерева. Однако и на основании тех данных, которыми мы в настоящий момент располагаем, интерпретация А. В. Арциховским системы срубов как части дворца Ярослава Мудрого не выглядит бесспорной.

Система срубов, пайденная А. В. Арциховским, не зафиксирована в раскопе № 13, который был заложен всего лишь в нескольких метрах к северу от стенки раскопа № 15, где обнаружена система срубов. Если бы мы имели дело с частью дворца, то он, несомненно, продолжался бы и в раскопе № 13. По всей видимости, А. В. Арциховский натолкнулся на остатки какой-то системы укреплений, вытянутой с запада на восток. Б. А. Колчин и В. Л. Янин, участвовавшие в раскопках 1947—1948 гг., предполагают, что это остатки ряжей северной стены, ограждавшей княжескую усадьбу — «княж двор». ⁴²

По-видимому, и сам А. В. Арциховский не был вполне уверен в справедливости своих предположений. По крайней мере в обобщающих статьях об археологическом изучении Новгорода, опубликованных в конце 1950-х—1960-х гг., он ни разу не упоминает о «дворце Ярослава». А. В. Арциховский писал, что «раскопки на Дворище сознательно прекращены в 1948 г. Это место имеет большое историческое значение, и не так много там осталось свободных участков, надо их сохранить для будущих ученых, которые смогут применять более совершенные методы исследования, чем мы». ⁴³

Поскольку многолетние археологические раскопки не выявили бесспорных следов княжеского двора, попытаемся с помощью привлечения всех известных источников установить территорию, на которой возможно в будущем открытие остатков княжеских сооружений.

На место княжеского двора указывает положение некоторых сохранившихся до наших дней храмов. Помимо неоднократно уже упоминавшегося Никольского собора, древнейшая новгородская летопись числит на княжеском дворе еще две церкви. В первых, это церковь св. Прокопия. Под 1359 г. в Новгородской I летописи содержится известие о том, что владыка Моисей поставил «святого Прокопия церковь камену на княжи дворе». ⁴⁴ «Княжанцы» поставили на старой основе церковь Жеп Мироносиц в 1445 г. ⁴⁵

Кроме того, в 1308 г. «Якомовая Столбовича постави церковь камену на княжи дворе Святых Отец 318 иже в Никии», ⁴⁶ которая «падесея» в 1429 г., а в следующем году была восстановлена. ⁴⁷

⁴² Колчин Б. А., Янин В. Л. Археология Новгорода 50 лет. — В кн.: Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982, с. 17.

⁴³ Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода, с. 12.

⁴⁴ НПЛ, с. 354; см. также: НЛ, с. 32, 234; ПСРЛ, т. XVI, с. 88.

⁴⁵ НПЛ, с. 425.

⁴⁶ Там же, с. 92, 333.

⁴⁷ Там же, с. 415.

Церковь Святых Отец не сохранилась, однако место, где она стояла, известно. Его правильно определил А. И. Семенов, сопоставивший данные писцовых и лавочных книг конца XVI в. с «пунктирным планом Новгорода», составленным около 1740 г.⁴⁸ Церковь находилась между церквями св. Прокопия и Михаила Архангела, несколько ближе к первой, немного западнее перекрестка современных пр. Ленина и ул. Суворовской. Таким образом получаем чрезвычайно важный вывод: княжеский двор продолжался на юго-восток от Никольского собора и церкви св. Прокопия к церкви Михаила Архангела, стоявшей напротив Готского двора.

Большое значение для определения места княжеского двора имеют летописные сообщения о пожарах интересующего нас района города. Под 1275 г. читаем: «В пощь загореся на *Княжи дворе подле Немечкое двор* и погоре Торг семо и до Славна, а семо и до Рогатице и сгоре церквей 7 деревянных, а каменных 4 огореша, а 5-я немечкая».⁴⁹ В 1406 г. во время пожара «погоре *Княжь двор* на Торговой стороне от *Гоцкого двора до Плесковского*».⁵⁰

Из упомянутых трех дворов пока неясно точное положение Псковского двора, который, согласно лавочной книге 1583 г., располагался в 40 саженьях от Великого ряда⁵¹ (возможно, в районе раскопов № 13—15). Место же Готского и Немецкого дворов устанавливается с достаточной точностью. Первый из них был отчасти раскопан в 1968—1970 гг.⁵² Он находился на берегу Волхова, напротив церкви Михаила Архангела. На этом месте ныне стоит гостиница «Россия». Немецкий двор был расположен напротив церкви Иоанна Крестителя (между ними шла Большая Пробойная (Славная) улица) и напротив (к востоку) церкви Успения на Торгу (см. рисунок).

Сообщения летописи о месте княжеского двора между Готским и Немецким дворами подтверждаются немецкими источниками. В донесении ганзейских купцов из Новгорода Рижскому магистрату от 10 ноября 1331 г. рассказывается о соре немцев с повгородцами. Не вдаваясь в изложение существа этого столкновения, обратил внимание, что оно, согласно показаниям купцов, произошло тогда, когда посланные из «Готского двора ко двору св. Петра» (т. е. к Немецкому двору. — В. А.) служители назад «возвращались *княжим двором*».⁵³ По-видимому, здесь имеется в виду прямая дорога, соединявшая оба ганзейских двора и проходившая через княжеский двор. Педаром в составленных

⁴⁸ Семенов А. И. Древняя топография южной части Славенского конца Новгорода. — Новгород, истор. сборник. Новгород, 1959, вып. 9, с. 60, 63—64.

⁴⁹ НПЛ, с. 364; ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 3, с. 599.

⁵⁰ НПЛ, с. 399; ПСРЛ, т. III, с. 134; ПСРЛ, т. 16, с. 151; НЛ, с. 38.

⁵¹ Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. М., 1930, л. 250.

⁵² Рыбина Е. А. 1) Археологические очерки повгородской торговли X—XIV вв. М., 1978, с. 121—153; 2) Готский раскоп. — В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 197—226.

⁵³ Памятники истории Великого Новгорода. М., 1909, с. 79.

ший торговый двор, который находился «на Ярославле дворище, где был твой государев двор меж соборных церквей и в самых рядах и в жилом месте».⁵⁸ Точное местоположение шведского двора «на Ярославле дворище» можно узнать из отписки новгородского воеводы Г. И. Морозова 1644 г., где двор описан следующим образом: «И то, государь, немецкое дворовое место смежно с никольским протопопом, всего промеж ими три сажени; а по другую сторону от того дворового места до церкви Николы чудотворца, что на Дворище, и святые Пятницы по двадцати сажен, а по третью сторону от Большой Пробойной улице, от мосту, до того дворового места восемь сажен; а по четвертую сторону от церкви Ивана Крестителя десять сажен. И всего того немецкого дворового места кругом в длину и поперег восемьдесят сажен, со всех четырех сторон, по двадцати сажен».⁵⁹

На основании данных отписки Г. И. Морозова нетрудно поместить шведский двор на плане: Никольский собор и церковь Параскевы-Пятницы сохранились до наших дней. Направление Большой Пробойной (Славпой) улицы хорошо показано на плане Г. Охлопкова;⁶⁰ там же обозначена и церковь Иоанна Крестителя, часть западной стены которой в точно обозначенном на плане месте была обнаружена в 1975 г. Двор «никольского протопопа» стоял в 3 сажнях к югу от шведского двора.⁶¹ Таким образом, стоявший на Ярославском дворище шведский двор XVII в. находился между церквями Иоанна Крестителя, Параскевы-Пятницы и Николы, т. е. именно там, где, как мы ранее выяснили, помещали княжеский двор летопись и немецкие документы XIII—XV вв.

Символическое изображение княжеских палат имеется на известной иконе «Видение пономаря Тарасия» (XVII в.). Великолепные палаты помещены художником юго-восточнее Никольского собора, несколько дальше, чем собор, от берега Волхова. Хотя изображение и носит символический характер, все же оно содержит и некоторые черты исторической реальности. Прав был П. Л. Гусев, писавший, что «палату можно принять за символическое изображение Дворища, на котором в XVI столетии были царские терема и двор государев, сгоревшие в 1580 г. от молнии».⁶²

Попробуем теперь определить, где, вероятнее всего, мог находиться княжеский дворец. Скорее всего, как и в других древ-

⁵⁸ Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. М.; Л. 1960, с. 124.

⁵⁹ Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в. М.; Стокгольм, 1978, с. 85.

⁶⁰ См.: Археологическое изучение Новгорода, с. 11.

⁶¹ Вероятно, именно двор никольского протопопа изображен на плане Г. Охлопкова юго-восточнее Никольского собора. Недавно Е. А. Рыбина поместила на плане шведский двор XVII в. (см.: Рыбина Е. А. Шведский двор в Новгороде в XVII в. — Русский город. М., 1983, вып. 6, с. 83, рис. 2).

⁶² Гусев П. Л. Новгород XVI века по изображению на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия». СПб., 1900, с. 36.

перусских городах (Киев, Галич), дворец должен был стоять на возвышенном месте. В результате проведенного в Новгороде геологического бурения, которое дало глубину залегания материка в различных районах города, удалось в общих чертах наметить рельеф Новгорода в первые века его жизни. Выяснилось, что за многие столетия существования города рельеф его в значительной степени выровнился. В древности было иначе: рельеф города был холмистым.⁶³

В интересующем нас районе города в древности было два невысоких холма: вершина одного из них находилась прямо против западного входа церкви Параскевы-Пятницы. Но, как мы уже видели, раскопы, заложенные в районе этого храма, показывают, что здесь был Торг, нижние венцы древних лавок которого стоят на материке.

Второе восхождение, несколько ниже первого, находилось неподалеку от перекрестка нынешних пр. Ленина и Суворовской улицы. Полагаем, что именно здесь вероятнее всего обнаружение остатков княжеского дворца. Это наилучшим образом согласуется с данными рассмотренных нами источников.

Предполагаемое расположение княжеского двора в районе перекрестка пр. Ленина и ул. Суворовской позволяет интерпретировать сооружения, открытые экспедицией А. В. Арциховской. Так, сруб в 14 венцов, обнаруженный в раскопе № 5, — скорее всего одно из хозяйственных сооружений княжеского двора XI в., ледник (по своим размерам он превосходит даже некоторые жилые постройки), оказавшийся в непосредственной близости от строившегося Никольского собора, был засыпан в связи со строительством. Найденная в раскопе № 8 валунная дорога — вероятно, парадная дорога, ведущая из княжеского двора к Волхову. Она шла от Никольского собора на юго-запад, на берег, к тому месту, где, возможно, находилась особая пристань княжеского двора. Открытая напротив южных дверей Никольского собора кирпичная кладка размерами 2.15×0.75 м является, видимо, не чем иным, как остатками знаменитой вечевой ступени. Недаром, согласно многочисленным летописным сообщениям, вече собиралось «у святого Николы», «на княже (Ярославле) дворе».

Кроме того, в свете изложенных соображений становится понятной весьма странная на первый взгляд конфигурация Михайловой улицы (см. рисунок). Такая конфигурация объясняется, по-видимому, тем, что улица не могла пересекать окруженный частоколом княжеский двор. Поэтому с увеличением числа дворов на Михайловой улице их вынуждены были строить вокруг княжеского двора. В конце концов оказалось, что улица с трех сторон окружила княжеский двор.

⁶³ Кушнир И. И. К топографии древнего Новгорода. — СА, 1975, № 3, с. 176—179; см. также: Кушнир И. И. 1) О культурном слое Новгорода. — СА, 1960, № 3, с. 217—224; 2) О культурном слое Новгорода. — СА, 1964, № 4, с. 227—228.

Итак, суммируя наши наблюдения, приходим к выводу, что княжеский двор в древнем Новгороде располагался на территории к востоку и к югу от Никольского собора. Северная граница двора была южнее Большой Пробойной (Славной) улицы, проходившей здесь с востока на запад между церквями Успения и Параскевы-Пятницы. С запада и юго-запада граница княжеского двора определяется положением церквей св. Николы, Жен Мироносиц, св. Прокопия и Святых Отец, с юга — Михайловой улицы и Готским двором, с востока — церквями Михаила Архангела, Благовещения и Иоанна Крестителя у немецкого двора. Наиболее удобным для княжеского дворца, как нам представляется, было возвышенное место в районе перекрестка современных пр. Ленина и ул. Суворовской.

Наши выводы безусловно нуждаются в археологической проверке. Только археологические исследования указанного нами участка способны внести окончательную ясность в вопрос о местоположении княжеского двора. Необходимо также продолжить изучение территории к западу от воротной башни гостиного двора, сомкнув границы раскопов Новгородского музея (1946 г.) и экспедиции А. В. Арциховского (1947—1948 гг.) для выяснения назначения и дендрохронологической даты системы срубов (истолкованной А. В. Арциховским как часть дворца Ярослава Мудрого).

В дальнейшем предстоит выяснить, до какого времени князья действительно жили на своем дворе. Здесь также существенное значение будут иметь археологические исследования. Весьма важным представляется определение границ площади, на которой собиралось вече.